

Наталиа А. НАРОЧНИЦКАЯ *

РОССИЯ И МИРОВОЙ ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

”Восточный вопрос не принадлежит к числу тех,
что подлежат решению дипломации”
(Н. Я. Данилевский ”Россия и Европа”)

***

Восточный вопрос в парметрах прошлого века как и балканскую трагедию - века нынешнего следует анализировать только на фоне панорамного взгляда на историю. Чем объяснить, что на Берлинском конгрессе после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. против России, оплатившей своей кровью независимость славян и при этом не взявшей себе ни пяди их земли, единым мощным фронтом встали титаны западноевропейской дипломатии - Андраши, Солсбери, Бисмарк, Дизраэли? Почему при всех противоречиях стратегическая общая цель западных держав в прошлом и сегодня одна - не допустить в стратегическом районе проливов и Средиземноморья образования крупного славянского православного государства с ярко выраженным самостоятельным национальным духом?

Почему эксперименты XX в. над исторической государственностью православных славян - русских и сербов столь схожи? (Растворение национальной государственности и денационализация под внешним фальшивым покровом псевдовеликодержавия). Почему разрушение исторического государства Российского немедленно стало бедой и сербов? Одинакова и стратегия Запада в разрушении России и Югославии: втягивание в свою орбиту отделившихся республик, но отказ стержневым православным народам - русским, сербам в праве на единое государство.

---

* Автор кандидат исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва.

Все побуждает к выводу, что здесь проявляются глубинные противоречия между сверхгосударственными геополитическими и идеологическими устремлениями. На поствизантийском пространстве сталкиваются цивилизации - православная, латинская и исламская. Мировой Восточный вопрос-дилемма Россия и Европа, сегодня Россия и Запад, встанут во всем своем исполинском масштабе.

Когда обществоведение было формально освобождено от догм марксистской исторической теории, это не привело ни к восстановлению преемственности русской исторической мысли, ни к обогащению ее русской религиозной и философской традициями. Школа обществоведения новой России так и осталась "постсоветской", сохранив основные черты истмата - "западничество" (на сей раз либеральное), безрелигиозность, космополитизм, моральную зависимость от мнения "Европы", игнорирование зарубежной русской мысли XX века, имеющей бесценный опыт взаимодействия русского духовного мира с европейским, полное замалчивание блистательных построений К. Леонтьева и Данилевского, задолго до европейцев создавшего теорию о культурно-исторических типах, нервическое отношение к "опасности" лишь введения в дискуссию идей славянофилов, игнорирование даже достаточно "либеральных" обществоведческих разработок русских философов эмиграции.

Но проблема "Россия и Европа" не нова, "как и не ново открытие, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, с горечью не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению" - писал Иван Ильин в 50-х г. в эмиграции. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первые поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее "не-европейскость". Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский первые поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были *прозорливы и правы*".¹

***

Ко второй половине XIX века в основном сформировались те действующие силы в европейской политике, которые определяли ее внутренние пружины, что сделало возможным выявить определенные закономерности. *Именно в этот период во всем своем исполинском масштабе встает, так называемый, Восточный вопрос, через призму которого проявляются наиболее многогранно все уровни и аспекты противоречий и движущие силы мировой истории.*

Уже в XVII-XVIII веках в корне изменилось соотношение сил главных государств Европы. Державы бывшие самые могущественными в начале периода, отступили к его концу на второй план. В состоянии упадка пришли Польша, Швеция и Турция. В то же самое время на Западе быстро всходила звезда пронизанной пуританским духом превосходства и деловой активностью Англии.

Явлением огромного значения, изменившего всё международное

---

¹ Ильин И. А. Против России. Наши задачи. М., 1992.

положение в Европе, представлял рост могущества России в XVII-XVIII вв. Россия превратилась к этому времени в огромную империю, простиравшуюся от Балтийского моря до Тихого океана, равной которой по размерам Европа не знала со времен Рима.

Превращение Руси в Россию завершилось к концу XVIII в., что было залогом судьбы православной цивилизации. Будучи свободной от культуртрегерской агрессивности, столь присущей католическому романо-германскому духу, православная цивилизация могла устоять, лишь самоукрупнившись и заняв определенное географическое положение. Это или осознанно, или интуитивно чувствовали русские Государи от Александра Невского, спасшего Православие от духовного поглощения латинством, до Петра I. Петр Великий немного ценил русское своеобразие, но первым углядел необычайный потенциал России и народа и прекрасно ощутил новые геополитические нужды государства, с одной стороны парализованного давлением Швеции и Польши, а с другой - вассалом Турецкой империи - Крымским ханством (бывшим улусом Золотой Орды, завоевавшей православную Тавриду).

Этот путь проходил через стояние на реке Угре, через смуту и изгнание поляков из оскверненного ими Кремля. На этом пути особое значение имело восстановление общей исторической судьбы православных *россов* - малороссов, белорусов и великороссов, сделавшее их неуязвимыми от давления антиправославных сил, а также выход России к морям: Балтийским берегам на северо-западе; Черному морю с окончательным закреплением - на Юге; в Крыму и Тихому океану, это завершило и освоение Сибири и Дальнего Востока. Именно на этом, обильно политом русской кровью, пути Потемкин стал Таврическим, Румянцев - Задунайским, Суворов - Рымникским, Дибич - Забалканским, Паскевич - Эриваньским, Муравьевы - Карским и Амурским. Трудно было бы представить себе мир, если бы Сибирь и Дальний Восток стали легкой добычей Китая и Японии. Что было бы с Европой, если бы она, окатоличив восточных славян, напрямую столкнулась с Азией сначала в лице монгольских кочевников, затем турок, которые однажды уже подошли к Вене...

”Цивилизованная” Европа, спасенная русским кордоном от многих опустошительных завоеваний, тем не менее нелегко мирилась с этими геополитическими сдвигами, ибо как писал А. С. Пушкин, обладавший удивительнейшим историческим чутьем: ”Европа всегда была в отношении России столь же невежественна, как неблагодарна”². В Крымской войне латинский Запад попытался лишить Россию статуса Черноморской державы через унижительные условия Парижского мира (так называемая ”нейтрализация” Черного моря, удивительно похожа на нынешнюю ситуацию). Лишь в результате более чем десятилетних усилий блистательного канцлера А. М. Горчакова появился знаменитый циркуляр 1870 года, который показал миру, что Россия ”сосредоточилась”, и вернул ей утерянные права. Недальновидная ”англофранцузская”

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., Т. VII, 1958. с. 306.

Европа поплатилась за унижение России появлением новой мощной европейской силы - объединенной под эгидой Пруссии Германии.

***

Талант и эрудиция великого русского историка С. М. Соловьева побудили интерпретировать эту тему шире. Она понималась в политической терминологии и дипломатическом лексиконе второй половины XIX века - лишь как вопрос о черноморских проливах и судьбе освобождающихся из под турецкого ига славянских и греческих территорий. С. М. Словьев назвал Мировым Восточным вопросом протянувшееся сквозь тысячелетие историческое соперничество между Европой и Азией, между "европейским и азиатским духом": "То полчища Ксеркса на Пелопоннесе, то Александр Македонский со своей фалангой и Гомеровой Илиадой на берегах Евфрата, то гунны на полях Шалонских, то крестоносные походы в Палестину, то появление татарских баскаков, собирающих дань в Москве... Наконец, и многопольное нашествие, и русские знамена в Астрахани, Казани и Ташкенте также являются проявлением этого исторического противоборства, продолжавшегося в войнах с Османской Турцией вплоть до XX века..."³ Для России, в силу ее географического положения, эта борьба и поиск равновесия между двумя началами составляли главное содержание ее истории.

Н. Я. Данилевский дает свое впечатляющее толкование Восточного вопроса, которое трудно опровергнуть и поныне. Он критически относится к толкованию С. М. Соловьева, справедливо отмечая отсутствие у него осознания особенности России и глубинного противостояния ее и Европы. Панорамный взгляд на историю позволил С. М. Соловьеву осознать борьбу цивилизаций как одну из мощнейших движущих сил истории.

Но подлинно превосходное и оригинальное толкование темы *Восточного* вопроса принадлежит перу Н. Я. Данилевского, обстоятельно изложившего ее в самом широком историко-философском контексте в книге "Россия и Европа" и статье "Горе победителям".⁴

Восточный вопрос - это отношение Запада к России и славянству в как соперничества особых явлений мировой истории и культуры, причем каждый из этих типов имеет значение всемирно-исторического характера. Это устремления, проявляющиеся на гео-стратегическом, политическом, религиозно-философском, социальном, этническом и культурном уровнях. Собственно, все это только вместе взятое и должно составлять зрелое понятие *геополитика*, свободное и от абсолютизации географических реалий, присущей западной школе геополитики, и от тотального цивилизационного и географического нигилизма, свойственного историческому материализму.⁵ Геополитика - это не

³ С. М. Соловьев. "История России с древнейших времен", М., 1959-1966. Т. 1. с. 56.

⁴ См. "Сборник политических и экономических статей". СПб. 1890.

⁵ См. обстоятельную аналитическую брошюру: С. Н. Киселев, Н. В. Киселева. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь, 1994.

только политическая география, то есть учение об определяющем влиянии географических реалий на формирование и поведение национально-государственных единиц или "больших пространств".

Тем не менее этот термин связан прежде всего с трудами таких классиков как К. Риттер, Ф. Ратцель, Х. Маккиндер, К. Хаусхофер. Именно "атропогеографические и политико-географические воззрения Ф. Ратцеля составили тот "питательный бульон", которым была вскормлена геополитика XX века".⁶ Собственно термин геополитика был введен шведским ученым - пангерманистом Р. Челленом. При всех различиях эти ученые, принадлежа в целом к школе географического детерминизма, в значительной мере исходили из борьбы государств - организмов за выживание. Из видение можно также считать интерпретацией мирового Восточного вопроса.

Интересно, что в терминологии классической геополитики и схем Х. Маккиндера⁷, на основании которых во многом осуществляется политика сдерживания России со стороны Запада, континент Евразия назван Мировым Островом, контроль над которым обеспечивает господство над миром. Южная граница Европы и Азии с центром почти в Тавриде определена как Сердцевина Земли - Хартленд. И тот, кто контролирует эту Сердцевину, владеет ключом к Мировому Острову. Эта отвлеченная абстракция выражает чисто натуралистический поход к толкованию истории и отнюдь не может объяснить всех ее движущих сил, но и она проявлялась неоднократно в борьбе и взаимодействии оказавшихся волей судьбы на сердцевинной земле народов - прежде всего России, среди прочего и как проблема XIX века - борьба за контроль над черноморскими проливами.

Такая геополитика отчасти может быть охарактеризована как проявление социал-дарвинизма. Дарвинизм неслучайно - порождение англосаксонского духа пуританизма с его делением людей на предназначенных ко Спасению и не предназначенных. Доминирующее натуралистическое толкование движущих сил мировой истории утрачивало понимание ее религиозно-философских побудительных мотивов и христианское ее толкование, роль свободной человеческой воли.

Первым настоящим геополитиком, давшим первый опыт системного комплексного анализа геополитических противостояний, был, бесспорно, Н. Я. Данилевский, имя которого намеренно замалчивается оппонентами по целому ряду причин. Именно на исследовании Восточного вопроса он заложил школу русской геополитики и, условно говоря, геополитической социологии, в которой прозвучали такие имена как В. И. Ламанский, Д. И. Менделеев, В. П. Семенов-Тян-Шанский.⁸ К трудам Данилевского близки по духу труды выдающегося

⁶ там же, с. 14.

⁷ См. Mackinder Halford J. The Geographical Pivot of History. Geographical Journal. Vol. 23, No 4 (April 1904), London.

⁸ См. В. И. Ламанский. Три мира Азийско-Европейского материка, СПб., 1892; Д. И. Менделеев. К познанию России, СПб., 1906; В. П. Семенов-Тян-Шанский. О могущественном территориальном владении применительно к России, Пгр., 1915.

мыслителя К. Леонтьева, стоящего особняком в отечественной политической мысли как принципиального и идейного консерватора.

Интерпретацию идей Данилевского задала статья Вл. Соловьева в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, в которой он представил Данилевского идеологом панславизма и русского национализма. Поэтому вполне объяснимо единодушие, с которым игнорируют и принижают его наследие все старые и новые "общечеловеки" вот уже полтора века, ибо любовь к Отечеству и проповедь здоровой национальной политики есть вопросы, сама постановка которых, по мнению либерала из "Вестника Европы", угрожает опасностью "лучшим традициям русского образованного общества".⁹

Историческая концепция Данилевского - органицизм и сила его книги сильно противостояли соловьевской концепции всеединства, что сделало философа яростным и, увы, недобросовестным оппонентом "России и Европы", ибо он даже обвинил Данилевского в заимствовании идей у немецкого посредственного историка Рюккерта. Имя Данилевского должно быть прежде всего связано с понятием геополитика, а не с панславизмом. Главы о славянском единстве в большой степени опираются на идеальные аргументы и рождают хотя и теоретически оправданные и в чем-то полезные, но малоосуществимые построения. Прогнозы из области панславизма в силу имевшихся препятствий не оправдались в той же степени, что прозорливые аналитические выводы и предсказания в других областях.

Н. Страхов в яркой полемике с В. Соловьевым по книге Н. Я. Данилевского "Россия и Европа" с горечью писал о российских западниках, что превосходили в своей неприязни к отечеству европейцев, которых "с детства пугали донскими казаками и которым Россия является в мифическом образе неодолимого могущества и самого глухого варварства", недоумевая, "почему мы за Европу боимся, а за Россию у нас нет ни малейшего страха... Когда Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, он разумел именно, то что Европа пойдет нашествием еще более грозным и единодушным... перед взором Данилевского в дубущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины Славянства... Он видел в будущем, что его славянам предстоят такие испытания..., перед которыми ничто Бородинская битва и севастопольский погром..."¹⁰ Кто не опознает в этом видении 1941 год? А, может быть, и год 1992-1993 в Сербии?, и год 1998 на Косовом Поле?

Данилевский указывал на неизбежное перемещение центра тяжести мировой политики на стык славянства и латинства, что блестяще оправдывается вот уже полтора века, и превосходно обнажил истинные причины такого мирового противостояния, маскируемые до

⁹ См. материалы первых Крымских чтений Н. Я. Данилевского "Проблемы мирового устройства и международных отношений в общественно-политической мысли XIX-XX вв." Симферополь, 1996.

¹⁰ Цит. по: Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М., 1992. С 67.

какого-го момента наличием турецкой империи. Пока между Россией и Европой "стояла турецкая фантазмагория", этих причин можно было и не заметить, когда же "призрак рассеялся, и настоящие враги явились лицом к лицу, нам ничего не оставалось, как взглянуть действительности прямо в глаза".

Стремление России разрешить противоречия по узко понимаемому Восточному вопросу путем вступления в европейскую систему - бесперспективно. Ибо подлинный Мировой Восточный вопрос отражает берущее начало в тысячелетии глубинное неприятие Западом православной России в двух ее ипостасях: как носительницы ненавистного византийского наследия, но *при этом равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с собственным поиском универсального смысла мироздания* - препятствия на пути сокрушения Богоданного многообразия мира, превращаемого в культурную и экономическую провинцию Запада.¹¹

Антагонизм между Россией и Европой по Данилевскому - есть объективный "огромный исторический процесс, в ходе которого решается вопрос о том, должно ли славянское племя - член арийской семьи... - оставаться только ничтожным придатком, так сказать прихвостнем Европы, или же в свою очередь приобрести миродержавное значение и наложить свою печать на целый период Истории." Этот антагонизм определяется славянством России, то есть устойчивой противоположностью романо-германскому культурно-историческому типу и различной стадией развития этих типов, противоположностью православия и латинского католицизма, а также стремлением англосаксов подчинить своему влиянию Азию. Причем эти все противоречия "замечательнейшим образом спутываются в один узел на Босфоре, в Дарданеллах и в Константинополе".

Данилевский гениально подметил еще одну закономерность - обязательное наступление Запада на Восток, а значит на славянство и Россию, после длительных периодов затишья в сугубо западных внутренних отношениях, которые служат накоплению сил для западно-европейского культурно-исторического типа, которые он направляет затем всегда на Восток. Отсюда вывод, что попытка решить противоречия между Европой и Россией через втягивание России во внутри-европейские коалиции и превращение в часть Европы, есть ложная и обреченная на фиаско. Во-первых, нельзя большее интегрировать в меньшее, это можно сделать, лишь расчленив и уменьшив это большее (судьба СССР, Ялта и Потсдам - плата за место "России" в горбачевско-сахаровском общеевропейском доме).

После разгрома наполеоновской армии, в котором Россия не только отразила нашествие "двунадесяти языков", но и на свою беду пролила кровь за Европу, Запад, накапливал силы в течение нескольких

¹¹ См. Н. А. Нарочницкая "Дилема "Русија и Европа" на прагу трећег миленијума у свјетлу религиозно-филозофских основа историје". Гласник Одјелјења друштвених наука ЦАНУ, број 11, 1998.

десятилетий без войн. Затем последовала Крымская война, где христианская Европа, вступив в союз с "передовой и цивилизованной" Османской империей, попыталась укоротить слишком возросшее влияние "варварской" России. Восточный вопрос набирал остроту. Пока Франция, Австрия и Германия решали свои междусобицы, России ничего не грозило, ей даже удалось восстановить свои политические позиции - отмена "нейтралитета Черного моря").

Но все европейские распри были забыты для того, чтобы на Берлинском конгрессе "снова восстановить" препятствия к решению турецкой части Восточного вопроса, разрушенные русскими штыками в 1876-1878 гг. После очередных мирных для Западной Европы трех десятилетий ее сила снова обращается на Восток - Боснийский кризис, провокации к Балканским войнам и, наконец, Первая мировая война.

После Версаля также следуют два мирных десятилетия. Затем взращенный с попустительства англосаксонских интересов германский фашизм вновь обращается на Восток. Спасенная советской армией Европа после Ялты и Потсдама живет мирно пять десятилетий, накапливая совокупную военно-экономическую идеологическую мощь для нового броска против России и славянства. Анализ Данилевского полностью подтверждается историческими фактами XX века.

"Россия и Европа" помогает понять, почему западноевропейская историография столь единодушна в неприятии России, причем классики марксизма здесь могут поспорить в ненависти к России с самыми одиозными "буржуазными" авторами, что в годы Крымской войны расклеивали фальшивки вроде подложного "Завещания Петра I".

Мировой Восточный вопрос уже с XVIII в. проявляется не только в политике держав, но и в осмыслении исторических процессов. И. Г. Гердер пишет об "омерзительной византийской истории" и о симфонии властей как о "двуглавом чудовище".¹² Гегель наделяет лишь Запад правом "свободно творить в мире на основе субъективного сознания", не найдя кроме него "всемирно-исторических народов". Во второй половине XIX века эта борьба принимает достаточно очевидный характер.

Превращение России к огромную у чуждую Западу геополитическую и историческую величину породило в западной историографии XIX-XX вв. крайне враждебную интерпретацию всей русской истории и политики. При всем отличии крикливой публицистики от академических трудов, и тем, и другим свойствен ряд мифов и клише. Это приписывание России монополии на агрессивность, извечная тема русского варварства и реакционности, а также случайность внешнеполитических успехов России благодаря иностранцам, находящимся на русской государственной службе. Если британской науке свойственно обвинять Россию в экспансии вплоть до цели захвата Индии посылкой войск через Гималаи (!), то в немецкой историографии доминирует легенда о роли иностранцев, в основном немцев, с целью обосновать тезис о том, что в

¹² См. Иоганн Годфрид Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

самом русском народе, как не-историческом славянстве, не могло быть сил для самостоятельного создания могущественного и жизнеспособного государства.

Пора обратить внимание на тот факт, что тотальный нигилизм в отношении русского исторического бытия был свойствен всем слоям западного общества от придворных историков, до либералов и марксистов. Что доказывает лишь мой тезис о глубинном неприятии самого исторического феномена России, лежащего по-видимому, в самом культурном самосознании Европы, и восходящем еще к Геродоту и даже к Персам Эхилла. Извечные западные фобии в отношении Православия и России рядились в разные одежды, но были едины не только для папского Рима и для Вольтера, для де Кюстина и К. Маркса, для В. Ленина с Л. Троцким, но и для кумира московских либералов А. Сахарова: "царизм", "русский империализм", филофейство, византийская схизма, варварство, варягов, любовь к рабству.

А. Мицкевич, как с горечью описывает Герцен, призывал к новому походу на Россию двенадцати языков, возглавить его и роль отводил опять представителю великой Франции - тогда это был Наполеон III - фигура, прямо сказать, постыдная для либерала. Но все неважно, лишь бы против России. Но бесспорными лидерами в такой нигилистической интерпретации русской истории и внешней политики России XIX века являются классики марксизма. На трудах взращен Ленин, исключенный из Университета и занимавшийся тенденциозным самообразованием. (Сталин учился в духовной семинарии и хорошо знал религиозно-философские основы исторического пути латинства). Идея мировой революции, оформленная к этому времени в научно-практическую теорию, может считаться одним из аспектов Восточного вопроса - борьба против Православия и его материализованной силы - православного русского царства.

Маркс и Энгельс полностью разделяли уничижительные оценки русской политики и заимствовали аргументы в самой оголтелой антирусской пропаганде в английских изданиях, где утверждалось, что даже Индию Англия захватила, чтобы уберечь ее от России. (В советское время самые известные работы Маркса и Энгельса по России вскоре были заперты за толстыми стенами специальных архивов).

В работах "классиков" проявились все течения и тенденции западного мышления XIX века, которые могли и должны были формировать антирусский дух: третьесословная и люмпенская ненависть к аристократическому началу государственности и к царям (в отличие от почтения к иерархии у народа - крестьян), отрицание религиозных основ принципа верховной власти и соборности, откровенная ненависть к православию как воплощению христианской веры. Налицо зависимость работавшего в Англии Маркса от англосаксонской внешнеполитической пропаганды. Сильно влияние и немецкой классической философской школы, наделявшей лишь западные народы ролью исторических. Пренебрежение к славянам проявлялось всегда и у Энгельса.

Сама жизнь этих столпов была разительным контрастом их философии. Дуглас Рид, сравнивая русских революционеров и их духовных отцов, отмечал полную противоположность Маркса и Бакунина, который, кстати, обличил Маркса и коммунистический интернационал в служении исключительно еврейским целям, что и послужило причиной их конфликта.¹³ "В Бакунине все искренно: его борьба, его страдания и смерть. - писал Дуглас Рид, - В жизни Маркса все фальшиво: 30 лет подстрекательства из читальни Британского музея, удобная жизнь за счет Энгельса, расчитливая женитьба на немецкой аристократке, богатые похороны с надгробными речами - типичный мещанин, завистливо воюющий против "буржуазии".¹⁴

Все то, что самые враждебные европейские силы приписывали России, в полной мере демонстрирует статья Ф. Энгельса "О внешней политике русского царизма", впервые появившаяся в 1890 г в журнале "Die neue Zeit" и в английском журнале "Time", а также работа Маркса "Secret Diplomatic History of the XIX Century". Статье Энгельс говорит, что все успехи России на международной арене в XIX веке проистекали от того, что во главе ее внешней политики, якобы, стояла всемогущая и талантливая шайка иностранных авантюристов, основавшая "своего рода новый иезуитский орден", который ловко надувал всех европейских правителей, которым Энгельс явно более симпатизировал. Эта "шайка", - писал Энгельс, - сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх, и открыла ей путь к мировому господству".

Очевидная враждебность самому историческому существованию России, беззастенчивое повторение наиболее предвзятых и абсурдных инсинуаций из британской и польской эмигрантской публицистики, сделали эту работу Энгельса первой стратегической мишенью для Сталина, когда он начал острожно ревизовать марксизм.

Сталин начал идеологическую коррекцию антирусских аспектов ортодоксального большевизма с хитроумного разгрома этой работы в письме членам Политбюро ЦК от 19 июля 1934 г. "О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма", напечатанном затем лишь в мае 1941 года - перед самым нападением Гитлера на Россию. В этот момент сербы уже держали славянскую оборону, а русским надо было срочно поднимать национальный дух и любовь к отечеству, подточенную червем интернационализма.

Сталинский опус - удивительный образчик маккиавеллизма, когда виртуозно жонглируя марксистскими постулатами, цинично и иезуитски воздавая должное гениальности "основоположников", Сталин камня на камне не оставил на энгельсовых обличениях России в особой по сравнению с другими державами реакционности. По Энгельсу Россия - "последняя твердыня общеевропейской реакции". Сталин также весьма тонко уличил Энгельса в существенном игнорировании и замалчивании англо-германского антагонизма, смеси проанглийской

¹³ См. Vacounine Michel. Polemique contre les juifs, Pris. 1869.

¹⁴ Дуглас Рид. Спор о Сионе. М., 1993, с. 165.

антирусской позиции и вульгарного немецкого национализма.¹⁵

Тезис об агрессивности России и ее главной роли в провоцировании мировой войны с целью захвата Константинополя также подвергся уничижительной критике, надо сказать, весьма исторически аргументированной, в русле которой был дан широкий анализ главных противоречий между ведущими европейскими интересами. *Энгельс же утверждал, что "вся опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей"!* Эта фраза красноречиво свидетельствует, что весь пафос революции, выросший на Западе, был прямо нацелен на Россию.

Тот факт, что интерпретация русской истории у идеологов имперской и буржуазной Европы полностью совпадала с таковой у главных идеологов мировой революции свидетельствует о том, что революция, готовившаяся против России - тоже проявление мирового Восточного вопроса. Это подтверждает пронизательность слов Тютчева о главном противоречии Европы - противостоянии революции и России. Но этот идеологический аспект "Мирового Восточного вопроса" был сильно размыт геополитическими и конкретноисторическими противоречиями между великими державами, которые рождали меняющиеся коалиции и формировали узко понимаемый Восточный вопрос.

После Берлинского конгресса начинается новый этап в международных отношениях. Стало ясно, что Германия в случае неизбежного конфликта России с Австрией по балканским делам поддержит Вену. Отношения России с Германией стали ухудшаться, что всегда поощрялось англосаксонскими интересами и всегда приводило к несчастью в Европе. Австро-германский союз 1879 года стал той роковой вехой, которая наметила путь к первой мировой войне. Союз положил начало оформлению коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в Первой мировой войне. Германия дорого заплатила за этот маневр Бисмарка, так как этот договор лишь привел к провалу главной цели самого Бисмарка - изоляции Франции. Прямым следствием этого стало 1893 году соглашение России и Франции.

Одновременно Австрия перестает питать всякие иллюзии в отношении своего сближения с Англией по балканским делам. Новый кабинет Гладстона перестал тормозить выполнение Турцией неудобных для нее и Австрии положений Берлинского конгресса, а наоборот вместе с Россией оказал действенный нажим на Порту. В результате Австрию удалось повернуть к России. Стало возможным возобновление союза трех императоров в июне 1881 года, который предупреждал возможность англо-турецкого соглашения и появления английского флота в Черном море. (Еще в 1880 г. А. М. Горчаков писал, что "ничто не мешает ей (Англии) занять и самый вход в Дарданеллы, т.е. запретить нам Черное море, когда ей угодно").¹⁶ Договор был хрупок, ибо держался

¹⁵ И. В. Сталин. "О статье Ф. Энгельса "О внешней политике русского царизма". "Большевик". №9, 1941.

¹⁶ Цит. по: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов. с. 471.

до тех пор, пока не проснулись вновь австро-русские противоречия, лишь временно приведенные к балансу в 1878 г., пока положение в Восточном вопросе вновь не обострилось. Это не замедлило случиться. И предтечей мировой войны стала череда кризисов на Балканах - Боснийский кризис 1907-1908 гг. и Балканские войны 1911 и 1912 гг.

Болгарский кризис 1885-1886 годов, провозглашение воссоединения обеих Болгарий не сулили России исполнения ее чаяний, поскольку к этому моменту Австрийская политика привела к переориентации Болгарии на Австрию. То же произошло с Сербией, которая пошла даже на заключение неравноправного договора с Австрией, который практически устанавливал протекторат над ней, но санкционировал "расширение южных границ Сербии". Началась сербо-болгарская война.

Болгария в правление Фердинанда Кобургского была окончательно вовлечена в орбиту австро-германской политики. В это же время обостряется франко-германские отношения, всюду обсуждаются в европейских столицах хитроумные планы Бисмарка, предполагавшие даже нападение на Францию. Однако, совершив против России массу коварных шагов и оставив надежды на предотвращение франко-русского сближения, Германия начинает заигрывать с Англией. Результатом этого стал русско-французский союз, а Англия оставалась/ вне блоков, предпочитая играть на противоречиях. Однако резкое обострение англо-германского соперничества, общее течение к окончательному выделению австро-германских интересов привели в итоге к оформлению Антанты через англо-французское соглашение 1904 года и русско-английское соглашение 1907 года.

Разделение "европейского концерта" на два блока проявилось и в борьбе за преобладание на Балканах. Экспансия германских интересов привела в конце 10-х годов к серьезному влиянию их в Турции. Россия не могла спокойно взирать на то, как строится стальная колея, по которой можно будет подвозить оружия и войска из Константинополя или даже из Германии прямо к армянскому нагорью. Одновременно стало заметным неукротимое стремление Австро-Венгрии полностью подчинить себе балканских славян. Хотя ограниченность возможностей и прямые ошибки русской политики позволили Австро-Венгрии полностью подчинить себе балканских славян укрепить свое влияние в Сербии и Болгарии в 80-90-х годах через своих ставленников - короля Милана в Сербии и Стамбулова в Болгарии - бесперспективность такой ориентации для славян в силу очевидной враждебности германского блока славянским интересам становилась все более ясной.

После смены династии Сербия круто повернула в сторону России. Обострение отношений побуждало агрессивные австрийские круги к реализации своих давних планов - захвата сербских областей Балкан, включения их в Габсбургскую империю при перестройке ее на принципах триализма или федерализма. Это направление возглавил наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Если бы австро-германским планам на Балканах и Малой Азии было суждено сбыться, весь огром-

ный потенциал этого региона и его стратегическая ценность были бы поставлены на службу германского блока.

Пока России зализывала раны от поражения в русско-японской войне и потрясений от революции ее противники приступили к осуществлению широкомасштабной политической и экономической программы полного овладения ситуацией на Балканах. Началось с проектов экономических (железная дорога), но имевших огромное военнополитическое значение.

В разгаре споров вокруг этих проектов в Турции произошла революция, которую можно считать, победой Англии. Турецкая революция побудила Австро-Венгрию поспешить с осуществлением давно вынашиваемого плана захвата Боснии и Герцеговины. Новое турецкое правительство должно было переориентироваться на Англию и следовало спешить, тем более что был соответствующий момент, так как, и Россия, и Турция переживали момент, для войны не подходящий. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь был уверен в том, что его дерзкий захват Боснии сойдет ему с рук прежде всего со стороны России, о которой он высказался: "Я знаю Россию как собственный карман. Она безусловно не пойдет на войну".¹⁷

В значительной мере этот план удался Дипломатия Извольского, пытавшегося умиротворить Австрию, компенсировать ее требования аннексии уступками в других балканских проблемах оказалась ни перспективной, ни почетной с точки зрения верности славянскому делу.

Турция вынуждена в итоге была подписать австро-турецкое соглашение 1909 года. Захват Боснии неизбежно наносил сокрушительный удар по исторической и правомерной задаче сербского народа - объединения его в едином государственном теле. Она потребовала хотя бы автономии для Боснии и раздела Ново-Пазарского санджака для установления между Сербией и Черногорией общей границы, которая перекрыла бы путь для продвижения Австрии на Юг. Сербия призвала на помощь Россию, которая уже более решительно потребовала международной конференции держав - участниц Берлинского Конгресса. Однако Россия опять осталась в одиночестве, так как Франция отказалась активно помогать в этом, Англия не хотела подрывать перспективы своего влияния в младотурецкой Турции. Извольский, дипломатия которого была практически дезавуирована Государем, уже не имел достаточного авторитета. В марте 1909 года германское правительство предложило России признать австрийский проект и добавило к этому ультиматум, предупреждающий о немедленном нападении Австрии на Сербию. Россия вынуждена была сдаться и признать захват Боснии и Герцеговины.

Боснийский кризис стал одним из важнейших этапов на пути развязывания первой мировой войны. Репетицией к ней были Балканские войны, результатом второй из них 1913 г. стал: раздел части тер-

---

¹⁷ Цит. по К. Б. Виноградов. Боснийский кризис 1908-1909 гг. Изд. Ленинградского университета. 1964. стр. 45.

ритории Болгарии: уничтоженне ростков более широкого единения славян против западных держав; дальнейшая ориентация Болгарии на Германию и ее блок.

Таким образом, на Балканах опять сфокусировались важнейшие международные противоречия. Был завязан узел, разрубить который можно было лишь с помощью войны. Для Берлинского штаба было ясно, что вовлечь Австро-Венгрию и войну можно лишь через Балканы. В Лондоне же поняли, что использовать российский потенциал для борьбы с германскими интересами, можно лишь шантажируя судьбой славян и угрозой Средиземноморско-Черноморским позициям России. Россия должна была понять, что стратегической общей целью западных держав является - не допустить в стратегическом районе проливов и Средиземноморья образования самостоятельного славянского православногo государства, которое было бы подконтрольно не им, а ориентировалось бы на Россию.

В это время за кулисами мировой дипломатии великих держав шла другая политическая работа с целью использовать Мировой Восточный вопрос для ostижения Мировой войны и революции. Когда Теодор Герцль, во время посещения России, беседовал с министром Плеве, он прямо заявил - либо сионизм, либо революция, и даже пообещал призвать российских евреев воздержаться от революционной деятельности. Но еще более значительным были слова Макса Нордау, весьма авторитетной личности в общественном мнении, который выступил на шестом конгрессе Всемирной сионистской организации и дал перспективу: "Позвольте мне сказать несколько слов и показать вам ступеньки лестницы, которые поведут наше дело все выше и выше: Герцль, сионистский конгресс, английское предложение Уганды, будущая мировая война и мирная конференция, на которой с помощью Англии будет создана независимая еврейская Палестина".¹⁸ Эта перспектива реализована в небезызвестной Декларации Бальфура.

История завершения Первой мировой войны и подготовка программных документов к Парижской мирной конференции, наконец дипломатическая борьба вокруг самого Версальского договора, а затем начало его постепенного развала-представляют сегодня гораздо больший интерес, чем можно было предположить, скажем, двадцать - тридцать лет назад. В конце XX столетия, в современных нам событиях, уже совершенно откровенно действуют силы, которые впервые обнажились в начале века. Именно тогда на мировой арене появились до этого скрытые стремления к созданию некоего глобального механизма взаимоотношений в мире, который бы втягивал национальные государства в свою орбиту, незаметно подчиняя поведение суверенных государств крупным мировым силам, происхождение которых определито нелегко. Но именно к этим силам переходит руководство Мировым восточным вопросом. Ясно, что этим силам больше не нужны были мировые слишком дорогостоящие войны, но нужны были глобальные

¹⁸ Дуглас Рид. Спор о Сионе. М., 1993. стр. 203.

механизмы управления. Для этого нужны были соответствующие идеологии и личности во всех странах Европы.

Можно сказать, что пока шли сражения на полях Первой мировой войны, за кулисами разворачивался новый этап в Восточном вопросе который уже наметился в работе по заключению Версальского мира, а затем его постепенного уничтожения. Очевидно, что в этом процессе происходило оформление англосаксонских интересов в качестве главного инструмента и проводника новых многосторонних механизмов, за которыми стоят крупные финансовые и не только финансовые силы, не тождественные этим англосаксонским странам. И после войны, США, где формируется идейный и финансовый центр с глобальными устремлениями становятся главным проводником и инструментом этих сил.

Имеются материалы, которые¹⁹ проливают свет на некоторые скрытые пружины американской политической жизни, обеспечившие избрание Вудро Вильсона на пост Президента США, а также сделавшие загадочную личность некоего полковника Хауза фактическим разработчиком всей американской мировой стратегии. Немало фактов свидетельствуют о наличии некоего общего круга политиков и деятелей по обе стороны океана, продвигавшего на посты определенных людей. Это либеральные политики кальвинистского происхождения были объектом серьезного влияния со стороны лидеров сионистского движения, деятелей Всемирного Еврейского Конгресса.

Полковник Хауз, выходец из Техаса, являлся не по чину слишком влиятельной фигурой в администрации Вильсона, выполняя роль советника президента по вопросам национальной безопасности. Уже в 1914 году он, по собственному признанию, стал назначать американских послов и заводить первые связи с европейскими правительствами в качестве "личного друга президента". Его издатель Сеймур писал: "Трудно найти в истории другой пример дипломатии, которая была бы столь чуждой ее общепринятым путям... Полковник Хауз, частное лицо кладет карты на стол и согласовывает с послом иностранной державы, какие инструкции следует послать американскому послу и министру иностранных дел этой страны."

Хоуден, его доверенный, выражался еще яснее: "Во всем, что происходило, инициатива принадлежала Хаузу... Государственный департамент США сошел на положение промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива для хранения официальной корреспонденции. Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через маленькую квартиру на 35-й Ист-стрит. Послы воюющих стран обращались к нему когда хотели повлиять на решения правительства или найти поддержку в паутине трансатлантической интриги".²⁰

Сравним реакцию США и Англии на крах России 1917 г. Когда революция в России свершилась, Хауз немедленно посоветовал

¹⁹ Дуглас Рид. Спор. о Сионе. М., 1993

²⁰ Howden Arthur D. Mr. House of Texas, 1940, p. 41.

Вильсону: "ничего не нужно делать, кроме как заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку".²¹ Как разительно отличалось это от суждения Черчилля, воздавшего дань скорбного уважения русской трагедии. Сэр Уинстон Черчилль сам уже не принадлежал тому новому Западу, который стал, если не практическим, то моральным союзником мировой революции.

"Я не признаю права большевиков, представлять собой Россию... Их идеал - мировая пролетарская революция", - сказал Черчилль в своей речи в Палате общин 5 ноября 1919 г. "Большевики одним ударом украли у России ее два наиболее ценных сокровища: мир и победу, ту победу, что уже была в ее руках... Немцы послали Ленина в Россию с обдуманном намерением работать на поражение России", - Черчилль говорил о том, что ему было известно и что не вызывало у него сомнения. "Не успел он прибыть в Россию, как стал приманивать к себе то оттуда, то отсюда подозрительных субъектов из их потайных убежищ в Нью-Йорке, Глазго, Берне и других странах... Он собрал воедино руководящие умы могущественной секты, самой могущественной секты во всем мире... Окруженный этими силами, он начал действовать с демоническим умением, разрывая на куски все, чем держалась Россия и русский народ... Россию нужно было повергнуть... У нее украли место, принадлежавшее ей среди великих народов мира".

Этот представитель британской имперской идеологии, защитник интересов Британской империи, для которой Россия всегда являлась объективно противодействующей силой и препятствием, тем не менее чувствовал, что в России совершалась революция против всего, "чем держалась" не только "Россия и русский народ", но и вся Европа и весь христианский мир.

Любопытно, в прошлом веке только Н. Я. Данилевский в своем беглом анализе специфических национально-религиозных основ английского общественного сознания и государственного развития, сумел угледеть и своеобразно отметить положительное значение эмиграции английских пуритан для Англии и Европы. Прозорливый Данилевский с его историческим чутьем указал как на "особо счастливое для Англии обстоятельство", что "самая радикальная, самая последовательная часть ее народонаселения, в лице пуритан, заблагорассудила удалиться за океан для скорейшего осуществления своих идеалов. Это отвлечение демократических элементов надолго обезопасило Англию".²²

Единение англосаксонских усилий по первой перестройке международных отношений после краха России и окончания Первой мировой войны не могло быть достигнуто с такими деятелями как Черчилль. Единение было достигнуто грючгостию деятелей типа Бальфура и после продвижения на пост премьер-министра Англии Ллойд-Джорджа,

²¹ См. The Intimate Papers of Colonel House. London, 1928, v. IV.

²² Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. С.Пб, 1995, с. 205.

находящихся в теснейшем контакте с окружением самого Хауза, а также Хаима Вейцмана, председателя Всемирного еврейского конгресса, которому еще Теодором Герцлем было завещано через мировую войну добиться Палестины.²³ Известный адвокат этой идеи в британском парламенте Локер-Лампсон, писал в одном из лондонских еженедельников: "Ллойд-Джордж, Бальфур и я - все мы были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евреям." Это ничто иное, как мессианская идея Кромвеля и его хилиастов, а также идея большинства протестантских сект и кальвинистских церквей в Америке.

Большевистская революция и ее третьесловные ростовщические вдохновители были слишком чужды Черчиллю по духу. Несмотря на то, что революция устраняла геополитического соперника на мировой арене, герцог Мальборо испытывал к нему благодарное сочувствие. С деятелями такого типа Мировой Восточный вопрос был обречен остаться на стадии конца прошлого века, ибо такие деятели делали возможным и новые внутриевропейские коалиции, они еще руководствовались понятием национальных интересов и национальной идеологией. Но новые задачи требовали наднациональной идеологии и консолидации всего совокупного Запада для того, чтобы превратить его в инструмент для мирового господства. Восточный вопрос должен был быть решен новыми методами, для которых нужно было преобразить мир.

Хауз явно принадлежал уже к тем силам Запада, в пользу которых эта революция совершалась, и которые это вполне осознавали, сочувствуя разрушителям России. И морально, и духовно, и генетически они были ближе Хаузу и кальвинистской Америке, чем православная царская власть.

Серьезный разбор всех перипетий вступления США в Первую мировую войну показывает весьма конкретные и реальные цели - при минимальных издержках вывести Соединенные Штаты, уже ставшие одной из крупнейших экономических держав, на первые роли в мировой политике. США объявили о своем намерении сыграть роль "честного маклера" по аналогии с дипломатией О. фон Бисмарка на Берлинском конгрессе 1878 г. США, не воюя, хотели стать главным участником послевоенного урегулирования.

Подобные расчеты не оправдались из-за остроты англо-германских противоречий, затяжного характера войны, многих других причин, в силу которых США рисковали упустить шанс стать мировым арбитром. К лету 1915 г. Вильсону была уже внушена идея создания такой организации, которая регулировала бы международное развитие и контролировала бы основные силы тогдашнего мира. Вашингтон в этой организации планировал играть роль своеобразного третейского судьи, от которого зависит решение спорных вопросов.

---

²³ Herzl Theodor. Der Judenstaat, 1896.

Новая "миротворческая" инициатива воюющим сторонам была представлена Хаузом в начале октября 1915 г. Она касалась лишь трех вопросов: создания всемирной организации; проблемы сокращения вооружения; и принципа "свободы моря". Это и было зародышем Программы из 14 пунктов, которая окончательно приобрела очертания и была предложена уже на фоне революции в России, изменившей геополитическую, идейную и военную обстановку в Евразии. Расчет Хауза-Вильсона был предельно ясен: согласятся центрально-европейские державы, вследствие истощения их людских и сырьевых ресурсов, на такое предложение - Вашингтон в одночасье становится мировым арбитром, а не согласятся - тогда он с чистой совестью переходит на сторону Антанты.

Вскоре после того, как США все-таки вступили в войну в апреле 1917 года, Вильсон пишет полковнику Хаузу "Когда война окончится, мы сможем принудить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем другом, будут в финансовом отношении у нас в руках"²⁴ США выходят из своей "изоляционистской" доктрины с программным документом либерально-космополитического толка, имеющим характер универсалистского проекта. Пресловутый полковник Хауз был автором этого текста, перевернувшего традиционные принципы международных отношений.

С высоты сегодняшних знаний становится ясным, что США и, стоявшие за ними финансовые круги, сумели подменить цели войны, ради которых французы, немцы, англичане и русские гибли на фронтах, своими целями. Этого не скрывает Г. Киссинджер, хотя и представляет эту подмену в качестве демократической перестройки международных отношений и окончательной победы Нового Света над имперским Старым Светом:

"Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение столетий и ради которого, предположительно вступила в войну. (выделено мной - Н. Н.) Америка с презрением отвергла концепцию равновесия сил и считала практическое применение принципов "Realpolitik" аморальным. Американскими критериями международного порядка являлись демократия, коллективная безопасность и самоопределение - прежде ни один из этих принципов не лежал в основе европейского урегулирования"²⁵.

"Супердемократическая" Программа Вильсона (раскрытая в "Архиве" Хауза) гласила: "Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов." Пункт VI о России предполагал на территории Российской империи "признание де-факто существующих правительств" и "помощь им и через них" - Украинскую Раду, оккупированные кайзеровскими войска-

²⁴ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1994. с. 199.

²⁵ Там же, с. 196.

ми Эстонию, Латвию, Литву, а также отдельно и большевиков, и белых как и вывод из самопровозглашенных территорий *всех иностранных войск*²⁶ (в том числе и Белой, и Красной армий, могущих восстановить единство страны!). *Это означало не что иное как немедленное международное признание и закрепление расчленения исторической России.*

Любопытен такой примечательный факт, что именно по самому традиционному для того времени вопросу послевоенного урегулирования - репарациям, возникли и наибольшие противоречия между французами, с одной стороны, и англичанами, и американцами, с другой. Как известно в "Четырнадцати пунктах" Вильсона о репарациях вообще не упоминалось, ибо сам мондиалистский замысел был нацелен не на компенсацию последствий прошедшей войны, а на создание "нового мирового порядка". Тем более, что США практически не пострадали от войны и не могли рассчитывать на репарации. *В их планах было использовать ситуацию Германии для создания совершенно новой системы зависимости и контроля над экономикой и политикой на европейском континенте. Сделав все, чтобы контролировать репарационный механизм, англосаксонские силы и через них интернациональный финансовый капитал, базирующийся в Америке, обеспечили себе ведущую роль в европейской экономике.*

Следует особенно обратить внимание на тот факт что эта Программа, провозглашенная в начале века, не смогла сразу получить полного воплощения. Но она явно открыто реализуется лишь в конце XX века под эгидой англосаксонских интересов, ставших главным проводником мондиалистских идей в международных отношениях. Это позволяет назвать политику США в средние 90-х годов "неовильсоновской".²⁷ Если смотреть по борьбе сначала по заключению Версальского мира, а затем его постепенного уничтожения, то также очевидно, что в этом процессе происходило оформление англосаксонских интересов в качестве основного инструмента и проводника новых многосторонних механизмов, за которыми стоят крупные финансовые и не только финансовые силы, не тождественные этим англосаксонским странам.

По-видимому, локига исторического бытия национального государства, не стремящегося к контролю над всем миром, противоречит планетарным доктринам. К ним не были готовы сами западные страны. Конгресс США усомнился в пользе для традиционной Америки всемерной вовлеченности в мировые дела и отказался ратифицировать Версальский мир, вступить в Лигу Наций и высказался за продолжение "изоляционизма". США оказались к 1920 г. вне Версальского договора. На довольно значительный промежуток времени внешняя политика США оказалась в руках консерваторов - изоляционистов с лозунгом "подальше от Европы".

Потребовались определенные усилия чтобы укрепить на

²⁶ См. The Intimate Papers of Colonel House. London, 1928, v. IV. p. 202-204.

²⁷ См. Н. А. Нарочницкая. Россия и Европа. историософский и геополитический подход. В. "Россия и будущее европейского устройства. М., 1994.

американской политической сцене соответствующие круги для развития линии Хауза - Вильсона, и понадобился весь XX век для реализации замысла, опутавшего суверенные нации. *Если Запад медленно, но неуклонно шел по этому пути, то СССР, наоборот, переживал обратный процесс восстановления исторически преемственных государственных начал.*

***

Узкий Восточный вопрос обнажил наличие Мирового Восточного вопроса - противостояние России и Европы. Но XIX век привел также к обострению внутренних противоречий в самой Западной Европе. Именно поэтому идеологическая религиозная цель Первой мировой войны - уничтожение последних христианских империй в мире, прежде всего русского православного царства - цель, преследуемая мировым масонством и всеми антихристианскими силами, все еще была размыта. Эта цель не была воплощена в каком-либо из национально-государственных субъектов этого первого мирового конфликта.

Слишком велики были частные национально-государственные интересы внутри самого Запада. Еще чувствовались особенности составных частей Европы, которые, после нивелирующего воздействия рационализма, по мере дальнейшей дехристианизации, давали о себе знать. Романский центр, где затухало влияние папского Рима, германский север, особенно протестантская Пруссия, пронизанная масонскими ложами, начинали проявлять сильное варварское языческое начало, вечно протестующее против Рима. Испано-португальский юго-запад, противоречивый своим сильным католичеством и очевидным культурным влиянием арабов и евреев, наконец, англосаксонский островной мир, пренебрежительно гордый своим превосходством.

Формирующиеся англо-германские противоречия оказались слишком сильны, отчасти отражавшие наметившееся расхождение традиционных интересов держав континентальной Европы и глобальных устремлений островной атлантической силы, представленной тогда лишь Британией. Этот аспект станет темой современной геополитики - борьбы "атлантизма" и "евразийства". Поэтому идеологические цели войны были достигнуты лишь отчасти. Новый порядок, новый мир, порожденные войной и революцией в России в целом оказались еще не достаточным и для осуществления универалистских прехтов.

Как и предсказывал Данилевский, прекратила свое существование как великая держава Австрия, рассыпавшись как искусственное образование. Ужаснув напоследок мир чудовищной и иррациональной резней армян, Турция, после Первой мировой войны, на некоторое время потеряла свою воинственную антиевропейскую мощь, занятая перевариванием проглоченных частей исторической России. Режим Черноморских проливов стало возможным отрегулировать на некоторые десятилетия. Однако это могло продолжаться лишь до тех пор, пока Турция вновь не понадобилась Европе против России и славянства.

В отличие от русских и славян силы, враждебные православной

цивилизации, вынесли уроки из опыта. В XXI веке глубинные враждебные России силы блестяще используют возможность; нацелить на исполнение своих задач в мировой истории формирующийся за океаном мощный геополитический центр и сделать его инструментом. "Мировое латинство" в XXI будут олицетворять Соединенные Штаты Америки, которые предпримут беспрецедентные усилия решить Восточный вопрос.

Задачей этих сил стала постепенная консолидация всего совокупного Запада для того, чтобы идеологические цели могли быть совмещены с геополитическими. На повестке для было создание мировых учреждений и отмена золотого стандарта для того, чтобы лишить нации суверенитета и обеспечить финансовый механизм мирового господства и интервенции при внешнем сохранении наций-государств. Этому процессу сначала стала мешать Германия. Прометеевский "сумрачный германский гений", уже утративший, как и весь Запад, облагораживающую готическую католическо-христианскую почву, родил в специфических условиях версальского унижения свой уродливый плод в виде германского нацизма, глубинной религиозно-философской основой которого было наступление язычества на христианство.

Но главным образом цели совокупного Запада и процессе его консолидации были спутаны тем неожиданным продуктом, который произвела Россия из семени западного прометеевского марксизма. Большевизм как пародия прометеевского духа очень скоро на русской почве начал мутировать и родил феномен СССР, в новой форме ставшей новым препятствием и противовесом Западу. Когда эти начала были восстановлены до того предела, что в новом обличьи СССР опять представил непреодолимое препятствие на пути Запада, началась новая война, причем мешающий мондиалистским силам гитлеризм был специально направлен на СССР.

Сейчас, когда фантазмагория коммунизма исчезла, а давление на Россию лишь увеличилось, стало ясно, что Мировой вопрос перешел в завершающую стадию. Запад консолидирован, некогда великая Европа стремительно утрачивает роль самостоятельного явления мировой истории и культуры. Ее символизирует Хавьер Солана, бывший самарита, ныне не сеньор, Mister Solana - напоминающий шакала Табаки из книги джунглей Р. Киплинга с двусмысленной, циничной улыбкой сообщающего народу о намерении своего хозяина Шер-Хана очередной раз поправить Закон. *Такая Европа под атлантическим контролем и в кабале мировых финансовых механизмов - послушный инструмент в нескрываемой задаче века - уничтожении российской великодержавия и русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях.*

Вот уже полтора десятилетия Запад боится России и крупных славянских православных образований. И, как свидетельствует последняя книга З. Бжезинского (Великая шахматная доска, М., 1998.) ничего не изменилось к рубежу XXI века. Никакое служение общеевропейскому делу не изменяет этого отношения - ни семилетняя война, ни освобождение

Европы от Наполеона, ни спасение Пруссии в 1805-1815 гг, ни спасение Австрии в 1849 г, ни спасение Франции в 1875 г. ни миролюбие Александра III, ни Гагская конвенция, ни жертвенная борьба с Германией в 1914 г, ни, наконец, освобождение Европы от тотального уничтожения Гитлером. Россия и славянство - это загадочная, полуварварская "пустота"; ее надо "евангелизировать" или обратить в католичество, "колонизовать" (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих... целей и интриг; а, впрочем, - ее необходимо *всячески ослаблять*".

Как? - Этому и посвящает книгу Бжезинский, называющий Россию "черной дырой", и на каждой странице почти неприлично намекает на культурную неполноценность русских и православных славян перед всеми народами мира, и населяющими историческое государство Российское. Удивительная тысячелетняя преемственность! - Эта старая песня об антихристианстве и варварстве православных славян звучала еще в письме Бернарду Клервоскому, вдохновителю первого крестового похода, от Епископа Краковского Матфея, который побуждал к крестовому походу против "русских варваров, которые не сообразуются ни с латинской, ни с греческой верой", таким образом для Матфея православные славяне уже тогда были даже "ужаснее", чем византийские "схизматики".

Вселенская дилемма "Россия и Европа", которую так или иначе обошли вниманием почти все крупные умы России прошлого, опять во всем своем исполинском масштабе встает в конце XX столетия. Вне ее невозможно понять ни путь России и Югославии к катастрофе, ни кризис в русском сознании, ни глобальные культуртрегеские устремления Запада, далеко не исчерпывающиеся материалистическим критериями.

Напоилаја А. НАРОЧНИЦКАЈА

РУСИЈА И ИСТОЧНО ПИТАЊЕ

Резиме

Такозвано *источно питање*, кроз чију се призму манифестују религиозно-филозофске и геополитичке противрјечности свјетске историје, дошло је до изражаја у свој својој величини у другој половини XIX вијека. У то вријеме формиране су основне активне снаге у европској политици.

Велики руски историчар С. М. Соловјов интерпретирао је ту тему шире него што то чини политичка терминологија друге половине XIX вијека - искључиво као питање црноморских мореуза и судбине словенских и грчких територија које се ослобађају турског јарма. Он је *свјетско источно питање* препознао као супарништво међу "европским и азијским духом" и у тој борби цивилизација разоткрио једну од најјачих покретачких сила историје.

Схватање "свјетског источног питања" на Западу се манифестовало преко класичне геополитике која је указивала на историјску закономјерност узајамног уздржавања и супарништва "великих простора". Швеђанин, пангерманиста Р. Кјелен увео је термин геополитика, а тему су разрадили: К. Ритер, Ф. Рацел, Х. Мекиндер, К. Хаусхофер. Ови научници су у значајној мјери полазили од борбе међу државама - организмима за преживљавање и од географског детерминизма. Таква геополитика дјелимично је манифестација социјалдарвинизма и англосаксонског пуританизма са његовом подјелом људи на предређене за спашавање и оне који нијесу предређени за то. Овдје доминира натуралистичко тумачење водећих снага свјетске историје и нестанак њених религиозно-филозофских покретачких мотива.

Према шемама Х. Мекиндера, умногоме се остварује политика потискивања Русије од стране Запада и она се, не једнократно, манифестовала у борби против народа Русије и Словена који су се, прстом судбине, нашли "у средишту земље", а између осталог реализује се и проблем XIX вијека: борба за контролисање црноморских мореуза.

Истинско, изванредно и оригинално тумачење теме *источног питања* налазимо у перу Н. Ј. Данилевског, који је то изложио у широком контексту у књизи "Русија и Европа" и чланку "Јад побједника". Он је основао школу руске геополитике и геополитичке социологије. Источно питање - то је супарништво тијесно повезаних појава свјетске историје и културе. Оно се манифестује кроз политички, религиозно-филозофски, етички и културни притисак Запада на словенство и православље. Данилевски је проницљиво указао на неизбежно преношење тежишта свјетске политике на међу словенства и латинства и разоткрио истинске разлоге таквог свјетског супротстављања, које је у његово вријеме маскирано постојањем "турске фантазмагорије", а у наше вријеме комунизмом.

Свјетско источно питање испољава се не само у политици него и у спознаји. Преображавање Русије у огромну историјску силу, потпуно туђу Западу, довело је у западној историографији, и публицистици XIX-XX вијека до стварања крајње непријатељске интерпретације руске историје и политике. Неоспорни лидери у томе били су класичари марксизма. Чињеница да су мржња, страх и презир према Русији и Словенима у потпуности били заједнички, како царској Европи тако и Марксу и Енгелсу, потврђује оштроумност ријечи Тјутчева о основној противрјечности Европе - супротстављању револуције и Русије. Но, тај идеолошки аспект "свјетског источног питања" био је заклоњен противрјечностима међу великим државама, које су у то вријеме тек стварале промјенљиве коалиције и дефинисале *источно питање* као врло узак појам.

Берлински конгрес је постао идеја водиља која је, у почетку, обједињавала све западноевропске силе са циљем да се умањи значај руске побједе. Сљедећа етапа у међународним односима непоколебљиво је довела до подвојености звукова "европске концертне хармоније", што се манифестовало и у борби за превласт на Балкану. Њемачка постиже озбиљан утицај на Турску, а Аустрија политиком топло-хладно (охрабривање краља Милана у Србији и Стамбулова у Бугарској) испољава необуздану жељу да заузме Босну и Херцеговину.

Босанска криза и балкански ратови, који су уништили клицу јединства

Словена против западних држава, постали су прелазне етапе на путу ка првом свјетском рату. Берлину је било јасно да Аустрију могу увући у рат само преко Балкана. У Лондону су схватили да Русију могу усмјерити против њемачког потенцијала уцењујући је судбином Словена и угрожавајући њене интересе на црноморским позицијама. Општи стратегијски циљ Запада био је непромјенљив: у стратегијском рејону тјеснаца не дозволити формирање значајне православне државе ван њихове контроле.

У то вријеме иза кулиса дипломатије великих држава вођен је други посао, у који су се одлично уклапали револуција и свјетски рат, као манифестовање "свјетског источног питања" и као средство за постизање одређеног циља у стварању "независне европске Палестине" помоћу Енглеске.

У току рата и припрема Версајског мира САД и финансијски кругови који су стајали иза њих успјели су да првобитне циљеве рата замијене за своје. Појавиле су се до тада скривене тежње да се суверене државе потчине силама, чије поријекло није лако одредити. То су силе свуда присутне и њима су потребни, не свјетски ратови, већ глобални механизми управљања. Мондијалистичку идеологију и дипломатију прве "демократске перестројке" у свијету персонификују САД у лику Вудро Вилсона и пуковника Хауза, као и носиоци првих улога у Европи: Балфур и Лојд-Џорџ, који су дјеловали у окружењу Хауза.

У XX вијеку, преко океана формиран је моћни финансијски и идејни центар, који, напорима без преседана, усмјерава САД да ријешити источно питање за које му је била потребна консолидација читавог Запада и обједињавање идеолошких циљева са геополитичким, као и укидање златног стандарда за стварање финансијског механизма свјетске доминације, а да се споља сачува нација-држава. Тај процес је у почетку био ометан од стране Њемачке, која је у условима версајског понижавања створила наказан плод њемачког нацизма који је намјерно усмјерен против Русије.

Но, углавном, циљеви цјелокупног Запада били су спутани неочекиваним производом Русије из западног марксизма - феноменом послератног СССР-а у новом облику, који је постао нова препрека и противтежа Западу. Тако су се остварила пророчанства Данилевског - сви свјетски конфликти проистичу из "*Drang nach Osten*" - на међи латинства и словенства: Први свјетски рат, Други свјетски рат и садашња "демократска" офанзива атлантизма.

Сада, када је "комунистичка фантазмагорија" ишчезла, потврдило се прорицање Данилевског - да свјетско источно питање не може бити ријешено кокетирањем са Западом који је скоро и престао да скрива *задања вијека: уништавање руске великодржавности, фрагментација православних Словена, помјерање своје сфере утицаја на источновизантијске просторе*. Источно питање може се ријешити само онда "када Русија храбро и отворено прихвати наметнути изазов" за који је потребна снага, и то не само материјална него и духовна.